

МАРИША КРАМЕР

The background of the cover is a dark, starry space with a purple and blue nebula. Three pocket watches are shown in a blurred, floating state. The central watch is in sharp focus, revealing its intricate, ornate metal casing and a white face with black hands. Two other watches are positioned to the left and right, appearing to move away from the center, creating a sense of depth and motion.

ГОРГОНА С ПИХТОВОЙ ВЕТКОЙ

ЖЕЛАЮЩИЙ ОБМАНУТЬСЯ БУДЕТ ОБМАНУТ

Марина Крамер
Горгона с пихтовой веткой
Серия «Закон сильной.
Криминальное соло Марины Крамер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68677374

Горгона с пихтовой веткой: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-178955-8

Аннотация

В современном мире женщина не может позволить себе роскошь быть слабой. Героини романов Марины Крамер преодолеют любые препятствия на пути к своей цели, заставят считаться с собою каждого, кто захочет перейти им дорогу. Любовь таких женщин обжигающе горяча, а власть над мужчинами – безгранична.

После громкого разоблачения секты «Согласия» в Городе Радости настоящая глава секты и мозг всей операции Яна Грязнова, более известная как Прозревшая, смогла сбежать и избежать наказания. Многие члены секты, попавшие под ее влияние и гипноз, так и не смогли избавиться от внушения, вернуться к обычной жизни. Частный детектив Валентина Володина и ее муж Владимир не оставляют попыток найти Прозревшую Горгону, ведь снова пропадают молодые девушки,

следы которых ведут в новую общину, теперь в заброшенной деревне в Алтайском крае...

Содержание

Часть первая

7

Конец ознакомительного фрагмента.

71

Марина Крамер

Горгона с пихтовой веткой

© Крамер М., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

1

Девушка в длинной юбке, закрывавшей даже носки ботинок, и в теплой куртке, отороченной мехом по воротнику и рукавам, с растерянным выражением смотрела куда-то вдоль рельсов. Подметавший перрон мужчина давно наблюдал за ней исподтишка: девушка производила впечатление не совсем здоровой, и он опасался, что та бросится под поезд. К счастью, последний ушел час назад.

Девушка ходила по платформе туда-обратно и что-то бормотала под нос. Ее длинные русые волосы были заплетены в косу, которая слегка растрепалась, и девушка то и дело накручивала ее кончик на палец правой руки. Ее губы беспрестанно шевелились, точно произнося молитвы. Она то и дело поднимала голову и бросала взгляд на большие часы, укрепленные на столбе напротив входа в старенькое здание вокзала.

Не выдержав, дворник прекратил сметать сухие листья и подошел к девушке:

– Поездов больше не будет.

¹ Некоторые географические названия изменены.

Она слегка отшатнулась, затем нахмурилась и спросила:

– Вы разобрали рельсы?

– Вы издеваетесь? – удивился дворник, заметив, что она не шутит, а лицо ее не озарилось улыбкой. – Конечно, нет.

– Тогда поезд обязательно придет, – уверенно произнесла она и продолжила измерять перрон шагами в одну и в другую сторону.

Убедившись, что девушка явно не в себе, дворник отошел к зданию вокзала и позвонил в пункт охраны порядка дежурившему там полицейскому. Однако когда медлительный лейтенант пришел на перрон, девушки там уже не было.

Часть первая

Москва

Тина Володина не любила, когда что-то в работе шло не по плану. Это всегда выбивало ее из колеи, заставляло нервничать и совершать досадные промахи. А промахи, как известно, ведут к более крупным последствиям, чего допускать, конечно же, не хотелось. Тем более что эту конкретную работу Тина считала делом чести, долгом, который она обязана отдать.

Сестра ее лучшей подруги Анны, Дарина, три с небольшим года назад оказалась в секте «Согласие», и там ей так эффективно промыли мозги, что Дарина перестала узнавать родных и знакомых, перестала откликаться на собственное имя, называла себя Майей и все время просила отпустить ее в Город Радости.

Анна выбилась из сил, разыскивая специалистов, которые могли бы помочь ей вернуть сестру к прежней жизни. Тина с мужем Вовчиком вытащили девушку из «Согласия», однако привести Дарину в порядок никому не удавалось, и Анна закрыла ее в платное отделение хорошей психиатрической клиники. Однако стоило ей забрать сестру на собственную

свадьбу, как Дарина буквально через пару дней исчезла, прихватив с собой минимум вещей и не оставив даже записки.

Тина считала себя виновной в том, что Яну Грязнову, называвшую себя Прозревшей, не привлекли к ответственности, не осудили. Вовчик отпустил ее, а, как оказалось, делать этого не стоило. Они же сами через год на Алтае увидели афишу, приглашавшую на встречу с шаманкой Аюной, которая разговаривала с мертвыми, – и это оказалась Яна. Именно в этот день Тина пообещала себе, что найдет ее, так как не сомневалась – где бы ни была Дарина, она непременно окажется рядом с Прозревшей, потому что именно к ней рвалась все это время.

Анна, узнав об этом, принялась уговаривать подругу ничего не делать – она уже смирилась с тем, что потеряла Дарину навсегда, но Тина стояла на своем:

– Тут не только в Дарине дело. Я не выполнила того, что была должна, я ее не посадила, понимаешь? Не посадила эту Горгону, вот в чем дело! Если бы тогда не Вовка... я же соображала плоховато, меня прилично отлупили, в голове каша была, да и развивалось все быстро...

– Ты не оправдывайся, Тинка... ты и так много сделала, если бы не вы с Вовчиком, я бы вообще не узнала, где Дарина и что с ней.

– Что не отменяет моей вендетты! – раздувая ноздри тонкого носика, заявила Володина. – Я обязана, понимаешь, эту говорящую с мертвыми прищучить – пусть с живым проку-

рором разговаривает.

Они с Вовчиком рванули на Алтай, долго там присматривались и пытались найти следы шаманки или кого-то, кто мог бы вывести на нее, но безуспешно. Аюна словно растворилась после той встречи, афишу которой Тина сохранила.

– Может, оно и к лучшему, а? – муж тоже не особенно любил признавать поражение, но здесь, похоже, никакого больше результата получить было невозможно.

Яна Грязнова не была прописана нигде, шаманка Аюна больше никаких встреч не проводила – делать на Алтае нечего, можно ехать в Москву.

Но с тем, что так лучше, Тина смириться не могла. Дарина Царькова пропала три с лишним года назад, никаких следов до сих пор не удалось найти, ее объявили в розыск, но и он не принес результатов, словно девушка растворилась в пространстве. У Володиной болело сердце, когда она представляла, во что могла влипнуть психически нездоровая Дарина в поисках своего Города Радости, которого не существовало. Вовчик со свойственной ему непробиваемой прямоотой сказал однажды, что Дарины уже может не быть в живых, и Тина содрогнулась – Дарину она знала с самого рождения, вместе с Анной нянчила девочку, видела, как та растет...

«Нет, этого не может быть. Не может – потому что так несправедливо. Анька не заслужила такого... она и так бесконечно винит себя в том, что случилось с сестрой, а если

вдруг узнает, что Дарины больше нет, даже представлять не хочу, что с ней станется», – думала в такие моменты Володина, представляя, какой удар получит подруга, если вдруг...

Но верить в то, что Дарина мертва, пока не увидела ее тело или могилу собственными глазами Тина наотрез отказывалась. Вовчик только рукой махал, зная, что переубедить жену не сможет. Тина верила только фактам, только тому, что могла сама себе объяснить.

– Ты просто подумай, – уговаривал Вовчик, не особенно, правда, рассчитывая на успех, – ну, у этой аферистки наверняка есть еще один паспорт – или даже не один, и мы с большой долей вероятности никогда ее не найдем, потому что нет зацепок. Она могла поиграть в шаманку – и уехать за границу, например. Могла просто перестать душить людей головами...

– Сам-то веришь? – перебила Тина, глядя в окно гостиничного номера на улицу, где шел дождь. – Можно подумать, ты не знаешь, что организаторы сект никогда не отказываются от своего занятия. Власть опьяняет – не ты ли мне это повторял? А теперь сидишь тут и утверждаешь, что Грязнова, видишь ли, перестала душить людям мозги!

– Ну, во-первых, я лежу, – уточнил Вовчик миролюбиво, закидывая руки за голову, – во-вторых, в жизни бывает все – даже то, чего, казалось бы, не может произойти никак. А в-третьих, прекрати меня отчитывать.

Последняя фраза оказалась отрезвляющей – Тина развер-

нулась и виновато посмотрела на мужа:

– Ты прав... прости, пожалуйста. Наверное, я слишком много личного вкладываю в это дело, эмоции мешают оценивать ситуацию трезво. Но ты ведь понимаешь, что я хочу помочь Анне...

– Тина, иной раз лучшая помощь – вовремя остановиться. Ты своими действиями поддерживаешь в Анне надежду на то, что ее сестра жива, а это процентов на девяносто девять не так.

– Вова!

– Ну что? Это объективная реальность. Ты сама говорила – Дарина может быть только рядом с Грязновой, у нее в голове ничего не осталось, кроме этих воспоминаний, так куда еще ей идти? Но мы с тобой перерыли здесь каждый угол, и что? Не нашли даже следов. Если Грязнова и работала здесь под шаманку, то все, финита – больше ее тут нет. Значит, и Дарины нет тоже. Если вообще была.

– Если вообще была... – эхом откликнулась Тина, глядя поверх головы мужа в стенку. – Да и как совершенно неадекватная девушка, называющая себя не тем именем, что у нее в документах, могла куда-то поехать?

– Ну ты слишком-то не горячись, не такая уж она неадекватная была, раз сообразила взять паспорт и деньги, – усмехнулся Вовчик, потягиваясь. – И денег, как Анна говорила, на той карточке было весьма и весьма...

– В тот момент Дарина была после больницы, могла оце-

нивать обстановку адекватно. Но называла-то себя все равно Майей и Аньку считала чужой, Валерку не узнавала вообще, – возразила Тина, отталкиваясь от подоконника, на который опиралась, и возвращаясь в постель. – Это ж какой силы гипноз у Грязновой...

– А ты у меня спроси, я же с ней один на один общался, – Вовчик сгреб Тину в охапку, прижал к себе. – Глаза у нее... знаешь, пока она не начинает тебе в голову лезть, так и не скажешь – обычная баба. Но в какой-то момент зрачки расширяются так, что глаза начинают напоминать две черные ямы, кажется, даже белка в них нет, только вот эта черная пустота, и она тебя тянет, как в воронку.

Тина поежилась:

– Как ты вообще смог устоять?

– Старый испытанный трюк, сама ведь знаешь, – Вовчик усмехнулся. – Булавка в бедро, ты же сама меня научила. Честно скажу – даже это еле помогло, так что у неподготовленного человека вообще нет шансов, что мы и видим на примере Дарины.

– Может, подключить связи и в федеральный розыск ее объявить?

– Кого? Дарину или Грязнову?

– Да обеих... не понимаю, почему за столько времени полиция даже не пошевелилась, ведь Анна написала заявление.

– Тинка, ты как маленькая. Сама ведь там работала, знаешь – потеряшек с психическими отклонениями искать

сложно, таких «висяков» пруд пруди. И я тебе честно скажу, можешь обижаться, но это дело превратило тебя в одержимую упрямую фанатичку. Ты сейчас ничем не лучше последователей Грязновой – такая же перекрытая.

Тина освободилась от объятий мужа и села, развернувшись к нему лицом:

– Кушин, ты нормальный, а? Это моя работа!

– А еще это твоя подруга, и это делает твою работу уже не работой, а вендеттой, сама говорила. Но так нельзя. Месть – не лучший помощник в таком деле.

– Я не собираюсь ей мстить, лично мне сама Грязнова ничего не сделала. Если честно, где-то глубоко мне ее даже жаль – несчастная женщина. Ты вспомни, как она убивалась по мертвому Зобову... ее это совсем сломало.

– Ну, выходит, не совсем, раз она продолжила свои занятия.

– А что она еще умеет, сам посуди?

– Так, все! – отрезал вдруг Вовчик, решительным жестом откидывая одеяло и вставая. – Я больше не могу. Мы сегодня же уезжаем из Барнаула домой, в Москву. Ты прекращаешь все эти поиски и берешься за какое-то другое дело, благо их достаточно. Все, Валентина, я сказал!

Валентиной муж называл ее только в ситуациях, которые вызывали у него крайнюю степень раздражения, и Тина мгновенно понимала, что сейчас лучше не перечить и сделать так, как он сказал.

Довольно мягкий Вовчик, носивший с незапамятных времен прозвище Добрыня, мог иной раз проявить такую твердость в отношении любимой жены, что та начинала сомневаться, хорошо ли знает человека, за которого вышла замуж.

– Ну что ж... в Москву, так в Москву, – пробормотала она, признав поражение.

После небольшого отпуска, который, по настоянию Вовчика, они провели в еще несезонном Сочи, Тина вернулась к работе.

В агентство обратилась женщина, дочь которой пропала. Не сказав никому ни слова, успешный дизайнер интерьеров Оксана Евсеева продала квартиру в центре Москвы и исчезла в неизвестном направлении. Никто из знакомых не знал, куда она могла отправиться, а банковская карта оказалась заблокирована. Телефон же обнаружился спустя несколько месяцев в квартире матери, в старых вещах на антресолях – буквально за день до исчезновения Оксана заезжала к ней и оставила крупную сумму денег, сказав, что получила гонорар за работу. Полиция завела дело, но вскоре безутешная мать получила уведомление о том, что дело закрыто за отсутствием состава преступления, а Оксана была объявлена пропавшей. Мать кинулась в поисковые организации, но и там помочь не смогли. Ирина Петровна в отчаянии обратилась к Тине, ни на что уже особенно не надеясь.

Володина смотрела на убитую горем женщину и не могла

поверить, что той всего пятьдесят три года – выглядела Ирина Петровна старушкой, давно махнувшей на себя рукой. Год безуспешных поисков дочери убил в ней интерес к жизни, и теперь она хотела только одного – найти дочь в какой-то секте либо получить подтверждение тому, что Оксана мертва.

– Понимаете, мне бы хоть похоронить ее по-человечески, и тогда можно умирать самой, – бесцветным голосом говорила она, сидя в кресле перед Тиной и беспрестанно теребя в руке белый платочек. – Это ведь ужасно – такое неведение... я спать не могу, есть не могу... я с работы ушла, постоянно езжу в морги и пытаюсь найти ее среди неопознанных тел...

– Давайте прежде всего успокоимся, – мягко попросила Тина, протягивая женщине стакан воды. – Пока Оксаны нет среди мертвых, нужно верить, что она жива. У вас сохранились какие-то ее вещи? Может, она приносила какие-то брошюры, книги? Обычно те, кто уходят в секты, сперва много читают, изучают ту литературу, что используют сектанты для вербовки своих последователей.

Ирина Петровна наморщила лоб:

– Мне нужно посмотреть дома... Ксана часто ко мне приезжала, я ведь одна живу... Она привозила деньги, иногда покупала дорогие продукты... она же хорошо зарабатывала, а жила одна.

– Личная жизнь не сложилась? Ей ведь всего двадцать семь лет, – спросила Тина, делая пометку в блокноте.

– У нее был мужчина... но дело в том, что... – Ирина Пет-

ровна замялась, и Володина поняла, что мать не хочет говорить о подробностях романа дочери.

– Ирина Петровна, я это не из праздного любопытства спрашиваю. Женщин, у которых в жизни что-то не так, всегда легче запутать, заманить, предложить альтернативу. Поэтому я бы вам советовала рассказывать все честно, если мы хотим найти Оксану.

Женщина вздохнула, снова затеребила платок:

– Понимаете... он... он старше ее...

«И, разумеется, женат, – закончила про себя фразу Тина. – Довольно распространенная история».

– Они познакомились, когда Ксана делала дизайн-проект его квартиры. Сперва просто подвозил домой вечером, потом пригласил в ресторан, в театр... Ремонт затянулся, он жену с сыном отправил за границу, стал более настойчив в ухаживаниях, клялся, что разведется, – Ирина Петровна всхлипнула и сделала глоток из стакана. – Знаете ведь, как это бывает... жену, мол, не люблю давно, живем только ради сына, видимость, а не брак... он красивый мужчина, взрослый, состоятельный, с положением, в банке работает... а Ксана... молоденькая, доверчивая.... Ну, вот и...

– Встречались они у нее?

– Да. У Ксаночки была хорошая квартира на Ордынке, она там сама ремонт сделала... это моих родителей квартира, досталась ей в наследство. Там и встречались. Но вы только представьте – все праздники она одна, потому что он с се-

мьей, в отпуск – одна, редко-редко, если Артур мог вырваться с ней на несколько дней... как же так можно жить? Она пыталась от него уйти, но Артур на коленях ползал, умолял подождать немного. Она каждый раз верила, все ждала, что вот-вот... а он, конечно, не спешил – развод же дело хлопотное, все эти разделы имущества... а делить там есть что. И в какой-то момент Ксану словно подменили, понимаете? Она как будто в себя ушла, замкнулась... ко мне стала реже приезжать, долго не засиживалась, о себе ничего не рассказывала. А ведь раньше мы с ней как подружки были... Но потом вдруг словно ее опять подменили – стала какая-то грубоватая, нахальная, что ли... Вела себя не так, как обычно, стала иначе краситься... Я пыталась с ней поговорить, но Оксана только отмахивалась – мол, отстань, мама, нельзя всю жизнь быть серой курицей, жизнь яркая, надо только уметь самой ее раскрашивать... – женщина снова всхлипнула.

Тина насторожилась – именно с таких перемен и начинается уход в секту: человек словно погружается в себя, прислушивается к внутреннему голосу, начинает отдаляться от всего, что его окружало прежде и было дорого, потому что им овладевает другая идея, другая цель, и все, что связывало его с прежней жизнью, вызывает только отторжение.

Не укладывалось в привычную схему только последующее преобразование Оксаны, но человеческая психика всегда по-разному реагирует на стрессы и неудачи.

– А вы не знаете, в каком банке работает Артур? – спро-

сила она, подумав, что непременно нужно расспросить этого человека об Оксане и о том, что происходило с ней в последнее время.

– Знаю. Он управляющий в банке «Восход». Фамилию Ксаночка не называла, она меня с ним даже не знакомила, только фотографии показывала, – вздохнула Ирина Петровна. – Да я и не настаивала, понимала, что не будет ничего хорошего... только вот Ксана мне запретила на эту тему говорить, сказала – не лезь в это, мама, сама разберусь...

«Ну, имя есть, название банка тоже, разберемся как-нибудь, – подумала Тина, записывая информацию в блокнот. – Может, он знает больше, чем мать, может, Оксана делилась с ним, рассказывала что-то».

– Правда, я ему звонила после того как она... Нашла телефон в ее записной книжке, куда Оксана записывала рабочие контакты и контакты клиентов. Имя-то не очень распространённое... Позвонила, хотела узнать, не в курсе ли он, где Оксана. Он удивился, сказал, что давно ее не видел, – продолжила Ирина Петровна бесцветным голосом. – И мне показалось, что он не соврал, очень уж искренне удивился. Его потом и следователь допрашивал, но, кажется, тоже ничего не смог узнать. Наверное, он действительно был ни при чем...

– А подруги? Ведь были у нее какие-то знакомые, те, с кем она работала?

Ирина Петровна покачала головой:

– С тех пор как появился Артур, Ксана перестала общать-

ся с кем-то еще. Все ее время было отдано ему – то ждала, то была вместе с ним, не хотела отвлекаться на подруг.

– Что – совсем никого не было? Даже задушевной подружки?

– Если только Лика... Анжелика Морозова. Они учились вместе, Лика тоже дизайнер, загородные дома оформляет. Но мне кажется, что и с ней в последнее время Ксана не общалась. Лика заходила ко мне несколько раз, после того как Ксана пропала, – Ирина Петровна снова всхлипнула и поднесла платок к глазам.

– Мне нужен ее телефон или адрес, я должна с ней встретиться.

– Да, конечно...

– И еще. Вы сказали, что телефон Оксаны нашелся в вашей квартире. Мне он тоже понадобится, когда могу его взять?

– Да когда хотите, я ведь дома теперь сижу...

– Тогда я подъеду сегодня ближе к вечеру. А вы постарайтесь вспомнить каждую деталь последнего разговора с Оксаной. Я понимаю, что это трудно, прошло время, да и воспоминания не из приятных, но нам это очень поможет в поисках, – сказала Тина, закрывая блокнот.

Когда женщина ушла, Володина села к компьютеру и начала искать страницы Оксаны Евсеевой в социальных сетях, не особенно, правда, надеясь на успех. Как правило, собираясь порвать с прошлой жизнью, люди удаляют все, что может

о ней напоминать, и начинают именно с соцсетей.

Тина нашла несколько Оксан Евсеевых, но под описание подходили только три, и лишь одна из девушек последний раз появлялась в сети год назад, остальные вели активную интернетную жизнь. Фотографию Оксаны мать принесла, Тина посмотрела ее и отложила на угол стола, однако, уходя, женщина, видимо, машинально прихватила ее с собой, и теперь Володина жалела, что не уделила снимку должного внимания.

«Теряешь хватку, подруга, – бранилась она мысленно. – Вовчик прав – нужно заниматься другими делами и хотя бы на время выкинуть из головы Дарину, иначе все пойдет прахом».

Дверь открылась, и в кабинет ввалился Вовчик, на ходу засовывавший в карман куртки телефон:

– Привет. Ну что, как наши дела?

– Дела есть, – отозвалась Тина, сжимая пальцами переносицу. – Не нависай надо мной, я теряюсь, – попросила она, когда муж обошел стол и, положив руки на спинку кресла, попытался заглянуть через ее плечо в экран монитора.

Кущин фыркнул:

– Не умеешь ты концентрироваться, – однако от стола отошел, уселся на диван у окна, закинув ногу на ногу. – Рассказывай.

– Значит, смотри, что мы имеем. Оксана Михайловна Евсеева, двадцать семь лет, москвичка, дизайнер интерьеров.

Не замужем, но имеется кавалер в лице женатого управляющего банком «Восток» по имени Артур. Фамилии не знаю, еще не успела посмотреть. Встречались около двух лет, тут все стандартно – дурил мозги, обещал развестись, но... Из родных – только мать, из подруг – Анжелика Морозова, однокурсница, тоже дизайнер. Пропала год назад, продала квартиру на Ордынке, банковский счет заблокирован, телефонный аппарат нашла мать в старых вещах в собственной квартире. Накануне исчезновения Оксана приезжала к ней, оставила крупную сумму денег, но никаких разговоров о продаже квартиры или о том, что собирается куда-то уезжать, не было. Одно время вдруг приободрилась: начала ярко краситься, вызывающе одеваться, а незадолго до случившегося стала замкнутой, перестала общаться с кем бы то ни было, даже с матерью. В общем, пока все. Я нашла единственную страницу в соцсетях: Оксана заходила туда год назад.

– Не так много, как хотелось бы, – заметил Вовчик, взъерошив пятерней густую русую шевелюру.

– Ну было бы хорошо, если бы она оставила подробный адрес, – согласно кивнула Тина, – только вот, дорогой мой, тогда мы с тобой бы сейчас об этом не разговаривали.

– И какой у нас план?

– Сделаем так. Я сейчас поищу что-то об этом Артуре и постараюсь с ним встретиться. Вечером мне нужно забрать у матери мобильник Оксаны. Тебе достается приз в виде Ан-

желики Морозовой, вот телефон, – она подвинула на край стола листок, на котором Ирина Петровна неровным почерком написала номер подружки дочери. – Попытайся выудить из нее все, что возможно, о жизни Оксаны – такое, о чем может не знать мать. И все, о чем Оксана ей рассказывала в последнее время. Может, упоминала о каких-то новых знакомых, о мероприятиях, которые посещала, – словом, все, что может натолкнуть нас на какой-то след.

– Понял, принял, – кивнул Вовчик, дотягиваясь до листка и убирая его в карман. – Ужина, я так понимаю, сегодня не будет?

– Закажем что-нибудь. Так, все, ты поехал, а я в интернет, – Тина придвинула к себе клавиатуру, давая понять мужу, что и ему пора работать.

Добрыня послушно поднялся, чмокнул жену в щеку, но она, похоже, этого даже не заметила, погруженная в строчки на мониторе, и пошел к выходу.

Анжелика Морозова оказалась худой высокой блондинкой модельной внешности, одетой в дорогой брючный костюм кораллового цвета, сидевший на ней с небрежным шиком. К месту встречи она подъехала на красном «порше», вальяжно забросила ключ в объемную сумку, болтавшуюся на локте, и, сняв темные очки, оглядела стоявшего на крыльце ресторана Добрыню. Он специально выбрал место ближе к дому, где раньше находилась квартира Оксаны, надеясь, что

подруга расскажет и об обстоятельствах продажи квартиры.

– Вы Владимир? – спросила Анжелика, приближаясь к нему.

– Да. А вы, выходит, Анжелика?

– Зовите меня Ликой, так короче. О чем вы хотели поговорить, я не очень поняла по телефону?

– Давайте для начала кофе выпьем, не возражаете? – Кущин галантно распахнул дверь и пропустил девушку вперед. – Выбирайте столик.

Лика с хозяйской уверенностью двинулась по залу, совершенно не обращая внимания на взгляды, которыми ее провожали сидевшие за столиками мужчины – было время ланча. Остановившись у стола перед окном, она бросила сумку на диван и изящным движением опустилась на сиденье, поправив чуть разъехавшиеся полы пиджака. Вовчик устроился напротив и заметил:

– Похоже, вы тут не впервые.

– Да, это мой любимый ресторан, мы тут часто с подругой отмечали гонорары.

– А подругу вашу, случайно, не Оксаной зовут?

Лика слегка опешила:

– Да... но откуда...

– Вот об Оксане я и хотел с вами поговорить, – Вовчик взял из рук официанта меню, пробежал глазами и заказал большую чашку латте.

– Об Оксане? – чуть удивленно переспросила Лика. –

Но... разве вы не знаете, что она пропала год назад?

– Именно потому я здесь.

– Так вы из полиции? Но дело же закрыто, мне Ирина Петровна сказала.

– Нет, я не из полиции, я частный сыщик.

Лица сделала заказ и покачала головой:

– Неужели Ирина Петровна все еще на что-то надеется?

– А вы?

– А что я? Будем реалистами, Владимир. Человек год не подает никаких вестей – что это может означать?

– Что угодно.

Лица пожала плечами:

– Ну, не знаю... мне кажется, будь Оксана жива, она бы не стала так с матерью поступать, согласитесь, это очень жестоко.

– Бывают разные обстоятельства. Но давайте поподробнее об Оксане. Вы часто с ней виделись?

– Мы дружили с первого курса, даже пытались открыть вместе дизайнерское бюро, но, к счастью, быстро поняли, что куда лучше просто дружить, чем вести совместный бизнес. Разделили бюро пополам: у нее свои заказчики, у меня свои. И продолжили просто общаться, как раньше.

– А что случилось? Бизнес не пошел? – спросил Вовчик, наблюдая, как официант ставит перед ними чашки кофе и сахарницу с крошечными щипцами.

– Бизнес-то пошел, но каждая хотела быть главной, по-

нимаете? И потом... Оксанка квартирами занималась, к ней обращались чаще, чем ко мне, но у меня работа стоила дороже, – помешивая ложечкой напиток, сказала Лика. – И всякие рабочие моменты... словом, мы вовремя поняли, что нужно разбежаться, чтобы сохранить дружеские отношения, вот и все. Ссор не было, мы все конструктивно обсудили и договорились. Оксана вообще человек миролюбивый, не взрывной, с ней легко договариваться было.

– Она хорошо зарабатывала, я так понял?

– Да. Она делала дизайн-проект и потом осуществляла весь надзор, так что выходила приличная сумма. Ну и вы ведь понимаете, что люди, которые хотят сделать ремонт на скорую руку, не обращаются в дизайнерские студии.

– И вы, значит, в этот ресторан ходили отмечать успехи? – Вовчик сделал глоток и зажмурился – кофе оказался горячим и очень вкусным.

– Да. Нам обеим здесь нравилось. А Оксана жила неподалеку, ей квартира досталась от бабушки, мы потом туда перемещались, я ночевать оставалась, чтобы домой через всю Москву не ехать. Я в Алтуфьево живу, – объяснила Лика.

– Чего же в центр не перебрались?

– Не люблю суету. Никогда не понимала этого стремления непременно обосноваться в центре всего.

«Интересно, какое впечатление производит твой пижонский «порше» на жителей спального района?» – подумал Вовчик.

– Скажите, Лика, а вы знакомы с мужчиной Оксаны?

– С Артуром? Да. Мерзкий типок, честно говоря, хоть и денежный.

– В чем это выражалось?

– Да во всем. Жлоб, одним словом. Водил Оксанку за нос, вешал лапшу на уши, обещал развестись, – Лика передернула плечами. – А сам по сторонам глазами шарил – типичный бабник. Я ей пыталась об этом сказать, но Оксанка сразу в штыки это принимала – мол, ты завидуешь. Чему там было завидовать? Денег он ей не давал, встречались они в ее квартире. Куда-то вместе выйти он боялся – вдруг жене донесут? А Оксанка, как загипнотизированная, твердила, что он непременно разведется и будет с ней. Нет, я понимаю, влюбилась, надеялась... Но надо же трезво на все смотреть. Если мужчина за год встреч не сделал никаких попыток быть вместе, то глупо ждать дальше. И, мне кажется, в какой-то момент до Оксаны это тоже дошло. Она попыталась с ним порвать, приехала как-то ко мне, ревела белугой – мол, люблю его, жить без него не могу, а он все юлит, тянет. Неделю у меня жила, скрывалась, на звонки не отвечала.

– А он звонил?

– Звонил, – усмехнулась Лика, аккуратно возвращая чашку на блюдце. – Сами подумайте – кому хочется терять такую удобную любовницу? Денег не требует, в свет с ней выходить не надо, в любой момент позвони – она ждет, готова к встрече, накормит, напоит, спать уложит – даже на отель тратиться

не нужно. Она ведь даже кулинарную школу закончила, чтобы ему разную экзотику готовить, – в голосе девушки сквозило раздражение. – Ну как можно настолько себя не ценить? Она ведь красивая, умная, у нее могло быть все, чего только можно желать, а она вцепилась в этого Артура...

– Вы же сказали, она хотела от него уйти, – напомнил Вовчик, и Лика пожала плечами:

– Хотела, но что толку в том хотении? Как только он ее выследил и на колени упал среди улицы, она и потекла. Позёр несчастный... такой дешевый трюк, я бы ни за что не купилась, а Оксанка...

«Да, ты определенно знаешь себе цену, тебя таким фортелем вряд ли удивишь», – внутренне согласился Кушин.

– И она вернулась?

– Конечно! Я с ней месяц вообще не разговаривала, но что толку? Это же Оксана – она ради своего Артура вообще на себя забила.

– Скажите, Лика, Оксана в последние полгода перед исчезновением не говорила вам о каких-то новых знакомых? Может, появился кто-то?

Лика наморщила лоб и забарабанила по столешнице длинными ногтями.

– Знаете... знакомых вроде бы не появилось, но она стала странно много говорить о природе.

– О природе? – насторожился Вовчик. – А что именно?

– Что-то про деревья... как же... хвойное что-то... вер-

тится в голове название, а вспомнить не могу. Не елка, не кедр...

– Пихта? – подсказал Кушин, и Лика обрадовалась:

– Да! Точно – пихта! Оксана где-то брала пихтовое масло, пила его и меня пыталась заставить. У нее квартира пахла как лесопилка... кругом какие-то ветки, флаконы с маслами... она мне на Новый год подарила, кстати, я его держу на балконе – выбросить жалко, флакон красивый, а запах... – она сморщила нос.

– Лика! – прижав к груди руки, проникновенно попросил Вовчик. – Я вас умоляю – отдайте флакон мне, а?

– Зачем? – удивилась девушка.

– Пока не знаю... но вдруг это какой-то ключ к исчезновению Оксаны, а?

– Да забирайте... просто странно – как пихтовое масло может помочь ее найти?

– Я обещаю, что потом непременно вам расскажу. А больше ничего она вам не давала? Книжки, брошюры? Может, она ходила на какие-то собрания?

– Никуда она не ходила, сидела дома и ждала, когда ее прекрасный Артурчик соизволит навестить, – снова брезгливо сморщилась Лика.

– А она вам не говорила, что собирается квартиру продавать?

– Нет. Я вообще обалдела, когда от Ирины Петровны об этом узнала. Оксана так любила эту квартиру, такой ремонт

там закатила... Это картинка была журнальная, а не жилье – все продумано, каждая мелочь на своем месте, такой интерьер – закачаешься. У Оксаны хороший вкус был, она пространство отлично чувствовала, никогда ничего лишнего, все четко. Детали очень любила, мелочи всякие – ну, такое, знаете, что придает неуловимое очарование. Убери какой-нибудь фужер или вазочку – и все, идеальная картина рухнет.

Вовчик отметил, что Лика говорит о таланте подруги совершенно без зависти, просто констатирует факт, признает – и все. Редкое умение для женщины – не завидовать чьему-то успеху или таланту.

– А сколько примерно могла стоить ее квартира, как вам кажется?

– Много. Во-первых, центр, дом сталинской постройки, потолки три метра, этаж хороший, двор закрытый. Ну и ремонт – заезжай и живи, мебель прекрасная, вся техника хороших фирм, ванная – вообще сказка. Думаю, она хорошую сумму выручила.

«Надо попытаться найти договор купли-продажи, там ведь и фамилия покупателя имеется».

– Я думаю, она квартиру через Ритку продала, – вдруг произнесла Лика, словно услышав его мысли.

– А кто это – Ритка?

– Старшая сестра одной нашей однокурсницы, она риэлтор. К ней всегда обращались, если нужно быстро что-

то продать или купить. Ритка еще с девяностых работает, прожженная такая... Ей сейчас за пятьдесят, но ее иначе как Риткой никто не звал никогда. Ну, увидите – поймете, – усмехнулась Лика. – Я вам телефон напишу, агентство «Квартал», она там генеральный директор.

– Спасибо, Лика, это мне очень поможет.

– Если у вас нет больше вопросов... – Лика демонстративно посмотрела на крошечные часики. – У меня еще встреча с клиентом.

– Да, конечно. Я могу вам позвонить, если что-то будет нужно?

– Разумеется. Если я что-то вспомню... да, флакон-то! – вспомнила девушка. – Вы можете завтра подъехать на Якиманку часов в одиннадцать утра? Я там встречаюсь кое с кем, могли бы пересечься, и я отдам.

– Договорились, завтра в одиннадцать на Якиманке, – Вовчик подозвал официанта и попросил счет. – Лика, а на каком этаже была квартира Оксаны?

– На четвертом.

– Спасибо вам. И до встречи.

Девушка поднялась, одернула пиджак и, подхватив на локоть сумку, быстрым шагом направилась к выходу. Вовчик в окно видел, как она села в машину и выехала с парковки.

Он повертел в руках листок с телефоном риэлтора и решил, что позвонит прямо сейчас – чего тянуть? Агентство «Квартал», если верить карте, находилось не очень далеко.

Тина долго изучала тот раздел сайта банка «Восток», где перечислялись руководство и сотрудники. С фотографии на нее смотрел красивый мужчина лет сорока с пышной шевелюрой и уверенным взглядом.

Артур Летинский наверняка нравился многим женщинам: в его внешности было что-то очень привлекательное и внушающее доверие. Немудрено, что молодая девушка влюбилась: по-человечески это было понятно. Тине такой тип мужчин не нравился, но и она признала, что Летинский мог бы заинтересовать даже ее.

Она внимательно изучила его расписание и решила, что постарается перехватить его на улице, чтобы он не чувствовал себя хозяином положения, сидя в своем кабинете. Значит, нужно будет подъехать к шести часам и подождать Артура на крыльце. Потом, правда, придется ехать в Нахабино к матери Оксаны, а это значит, что домой она попадет не раньше десяти, а то и позже, но ничего не поделаешь.

Пока она продумывала, как вести себя с Летинским и с чего начинать разговор, позвонил Вовчик:

- Тинка, ты еще в агентстве?
- Да. Поеду в банк к шести, а что?
- Хотел отчитаться о встрече с Морозовой.
- Ну, так не сдерживайся.
- Короче, мне кажется, есть какой-то слабенький следок, намекающий на то, что дело стопроцентно наше. В послед-

нее время Евсеева начала много говорить о природе и увлекаться пихтовыми маслами и прочей лабудой. И знаешь, о чем я сразу подумал?

– Нет. О чем?

– Евдокийцы.

– Кто? – переспросила Тина, записывая слово в блокнот.

– Евдокийцы, дорогая, последователи учения о сибирских пихтах. Так и называется – Пихтовый толк. Мол, если засадить всю планету пихтами, то будет всем счастье. Пихта – легкие планеты, пихтовое масло – кровь планеты и вот это все. Культ относительно новый, ему года два всего. Базируются где-то в тайге – ну, логично.

– Тайга большая, Вов...

– Да это неважно, можно поискать, это не так сложно.

Возглавляет эту секту мужик по имени Иван, но поклоняются они светлейшей матушке Евдокии. Матушку, что характерно, никто не видел, возможно, это просто фантом, а вот Иван Шлыков легко гуглится, и фотографий его полно. Типичный старообрядец – борода, длинные волосы, голубые глаза. Кстати, мужик вполне привлекательный и молодой, лет тридцать пять – сорок, не старше. Так вот Иван этот ездит с проповедями, вербует последователей и проповедует от имени светлейшей матушки. Лика мне сказала, что Оксана ей подарила флакон пихтового масла, так вот я думаю, что можно попытаться по этому флакону вычислить место, где они базируются. Флакон фабричный, наверняка есть ка-

кая-то этикетка, можно поискать завод, где такие делают, и от этого уже танцевать.

– Интересная мысль... это все?

– Лика дала телефон риэлтора, через которую Оксана могла продать квартиру, я хочу поехать и поболтать с дамой, вдруг что выгорит?

– Хорошо. Тогда я пока посижу в интернете, читаю про этих евдокийцев, может, что-то в голову придет.

К ее удивлению, информации о евдокийцах оказалось мало, буквально какие-то крохи, а вот фотографий Ивана Шлыкова действительно нашлось предостаточно.

Тина всматривалась в монитор, и ей даже начало казаться, что прежде она где-то видела этого русоволосого бородача с глазами, похожими на чистые озера.

«Такие глаза лгать не могут», – всплыла в голове фраза, вычитанная когда-то давно в известной книжке.

Глаза Ивана Шлыкова внушали доверие, да и лицо его совершенно не подходило создателю культа – какое-то слишком мягкое, открытое, простое, даже безвольное. Нет, этот человек не мог возглавлять секту евдокийцев, хотя малочисленные статьи утверждали обратное и называли «батюшку Ивана» проводником и мессией.

– Не похож ты, батюшка Иван, на человека, способного управлять другими, – бормотала Тина, двигая курсор по строчкам очередной статьи. – И вот этот бессмысленный бред тоже не твоего пера работа. Любой эксперт скажет, что

тексты женские, мужчины немного иначе строят фразы. Наверняка за твоей спиной стоит какая-то женщина и наговаривает тебе вот такое – «пихта мыслит, чувствует, слышит и испытывает желание» или «болезни тела приходят к тем, кто отошел от природы, и к тем, кто испытывает темные чувства и транслирует черные мысли». Господи, а это что еще за чушь? «Со временем человек, верующий в Пихтовый толк, переместится на другие планеты вместе с частью атмосферы и будет процветать там», – Тина захихикала – перлы, достойные внимания психиатра... «Жизнь есть бодрствование, а смерть есть сон» – ну конечно...

Она отлично знала, что именно на такой бред лучше всего попадают люди с высшим образованием, а то и с двумя, те, кто пытается найти самовыражение в чем-то ином, нежели имеющиеся профессии. Люди ищут свое место, свое предназначение, и если на их пути вдруг встречается такой вот «проповедник», легко устремляются за ним, радуясь, что обрели себя. И чем проще и глупее будут «истины», изрекаемые «проповедником», тем больше последователей он обретает в среде «умных» людей, каким бы странным это ни казалось окружающим.

Еще, читая редкие отрывки учения светлейшей Евдокии, Тина заметила, что та никак не касается вопроса религии. Она вообще не затрагивает такие темы, лишь однажды уронив, что «все религии преходящи, рано или поздно они канут в небытие вместе с иконами, книгами и храмами». Ба-

тюшка Иван в своих речах тоже всячески упирал на то, что его последователи могут исповедовать любую религию и никаких ограничений на это в их поселениях не существует.

Продолжив чтение, Тина наткнулась на еще более забавное, на ее вкус, утверждение о том, что светлейшая матушка пропагандирует «экологичные знакомства с мужчинами» – эта фраза вызвала у Володиной взрыв хохота:

Господи... «экологичные знакомства» – это как вообще? Такое впечатление, что любимая книга матушки – Желтые страницы, раздел «Все сауны и бани России»... Где еще можно знакомиться «экологично»? Надо Вовке это прочитать, пусть посмеется...

Кущину было не до смеха. Он решил не звонить владелице агентства «Квартал», а поехать туда сразу, о чем теперь горько жалел.

Сперва он тащился в огромной пробке, изнывая от духоты и невозможности вырваться из плотного потока машин, затем долго колесил вокруг здания, в котором располагалась риэлторская контора, пытаясь найти место для парковки.

Это оказалось задачей невыполнимой, потому он плюнул и подпер какую-то старенькую «мазду», рассчитывая, что ее хозяин не очень будет торопиться уехать. Для очистки совести Добрыня сунул под «дворник» карточку с номером мобильного и просьбой позвонить и направился к входу в здание. Там его ждал очередной сюрприз в виде турникета и су-

рового вида охранника рядом, грозно затребовавшего пропуск.

– Мне к риэлторам, – попытался прорваться Кущин, но был остановлен резким жестом и окриком:

– Пропуск!

– Нет у меня пропуска, я в первый раз.

– Звоните, – охранник подвинул ему телефон.

Кущин принялся рыться в карманах, пытаясь найти визитку, которую дала Морозова, но, видимо, выронил ее где-то у машины. Пришлось признаться:

– Номера не знаю.

– А к кому идете – знаете?

– К Маргарите... эээ... – заблеял Вовчик, поняв, что не спросил у Лики даже фамилию ее знакомой. «Вот же лошара... ну как так-то?!»

– А-а, к Ритке, что ли? – оживился охранник. – Ну и говорил бы сразу, – красный крестик на турникете сменился зеленой «галочкой». – Проходи, пятый этаж.

Кущин покачал головой и пошел к лифту.

«Похоже, эта Маргарита тут личность известная. И зовут ее действительно Риткой – даже охранники».

Риэлторское агентство «Квартал» занимало весь пятый этаж, множество одинаковых дверей с табличками и ни одной открытой. Кабинет Маргариты Тархановой оказался в этой череде самым последним.

«Ну конечно!» – фыркнул про себя Кущин, постучав ко-

стяжками пальцев в темно-коричневое полотно двери.

– Да! – раздался хриплый женский голос. – Входите!

– Здравствуйте, Маргарита! – раскатисто рявкнул Вовчик, входя в кабинет.

Тарханова сидела у окна за большим столом, держа в зубах «беломорину» – в кабинете стелился сизый дым, и у некурящего Кущина защипало в глазах.

– Вы ко мне? – не выпуская папиросу, спросила женщина.

Он закивал:

– К вам.

– Что привело? Купить, продать, снять? Жилое, нежилое?

От напора Кушин слегка растерялся – он не заготовил легенду, потому бухнул сразу:

– Мне поговорить бы.

– Самое время, ага, – саркастически отозвалась Маргарита. – Нормальные люди домой собираются, мои, поди, все разбежались уже. Ну присаживайтесь, раз уж вошли.

Вовчик потянул к себе стул.

– Минутку подождите, я закончу тут...

Тарханова, стряхнув пепел в переполненную окурками пепельницу, что-то быстро набирала на компьютере.

Вовчик принялся рассматривать ее и пришел к выводу, что иначе, как Риткой, называть эту женщину было невозможно. Коротко стриженные чуть выющиеся волосы местами были окрашены в самые безумные цвета – от фиолетового до зеленого, кое-где торчали просто седые клочки. Бро-

ви, видимо, когда-то тонко выщипанные по моде, сейчас были просто нарисованы черным карандашом – Вовчик даже представил, как именно Тарханова делает это утром, поплевав на кончик и наугад нарисовав «домики» там, куда рука достала. Остатки помады морковного цвета придавали морщинистому лицу комичное и странное выражение. На шее женщины висело какое-то индейское кольцо из медных монет, перьев и бусин, свободная льняная блуза коричнево-красного цвета намекала на любовь хозяйки к бохо и этнике. Пальцы рук, летавшие по клавиатуре, украшали массивные кольца с камнями, а запястья – тяжелые серебряные браслеты с бирюзой и янтарем.

«У меня, похоже, глаз дергается от такой красоты, – думал Вовчик, рассматривая все это. – Давно подобного не видел. Не так я риэлтора представлял, вообще не так...»

– Ну-с, молодой человек, о чем говорить будем? – вывела его из раздумий хозяйка кабинета.

– Скажите, Маргарита... эээ...

– Не надо, просто Рита.

– Владимир, – спохватился Кущин и даже немного привстал со стула. – Так вот, скажите, пожалуйста, Рита, к вам обращалась по поводу продажи квартиры на Ордынке некая Евсеева Оксана?

– Ксанка-то? – Тарханова вставила в угол рта новую папиросу и закурила. – Было дело. Дайте подумать... что-то около года назад, кажется. А вам зачем?

Пришлось положить на стол удостоверение частного детектива.

Тарханова долго изучала его, кажется, даже понюхала и, вернув, вздохнула:

– Мать никак не уgomонится?

– То есть вы в курсе, что Евсеева исчезла?

– Ну а кто не в курсе? Я сразу поняла, что у нее с головой что-то случилось, когда она такую шикарную хату выставила на срочную продажу за половину цены.

– Как это?

– А вот так. Пришла и говорит: «Ритка, ты можешь быстро продать мою квартиру?» Я удивилась – такая квартира стоит дорого и быстро вряд ли продается бы, я ей так и сказала, но Ксанка настаивала, что срочно нужны деньги, мол, продай, за сколько возьмут, – Тарханова вынула папиросу, стряхнула пепел и устала на столбик, улегшийся рядом с пепельницей. – У меня как раз появился клиент, сибирский бизнесмен какой-то, очень хотел квартиру в центре, я ему позвонила, назвала сумму – он аж завизжал, помню, рассчитывал-то на совсем другие деньги, а тут такой подарок, да еще с дизайнерским ремонтом. Он, правда, мужик порядочный оказался, накинул сверху пару лямов, так я все до копейки Ксанке на счет перевела, хотя она отказывалась.

– А почему отказывалась? – не понял Вовчик.

– Да головой потому что скорбная, говорю же, – вздохнула Маргарита. – Я так жалела, что у меня в тот момент сво-

бодных денег вообще не было, я б сама забрала за ту цену.

– И Оксана не объяснила, почему так срочно и так дешево? Должна же быть причина для такого решения – ну, болезнь там какая-то или что-то еще? Чтобы срочно нужны были любые деньги?

– Да я не спрашивала – мне-то что? Я свою комиссию получила, – пожала плечами Тарханова. – Она мне еще тогда в подарок притащила какую-то дрянь в бутылке – ей тараканов хорошо травить.

– Пихтовое масло? – уточнил Вовчик.

– Вроде. Бутылка красивая, а внутри – ну чистый ди-хлофос...

– А больше ничего Оксана не говорила? Не рассказывала о пихтах, например?

– Да я и не помню уже... Говорю же, она как неменяемая была, глаза какие-то потусторонние, улыбка дурацкая все время... я ведь ее давно знаю, она с моей младшей сестрой училась вместе, они часто у нас тусовались, пока студентами были. И тогда Ксанка была совершенно другой – спокойная девка, рассудительная, талантливая очень. В их группе, пожалуй, самая способная была, такие интерьеры рисовала – закачаешься. Я ей после выпуска предлагала совместно что-то замутить, но она отказалась, с Анжелкой Морозовой вроде открыли какое-то бюро дизайнерское, да разбежались потом.

– А почему, не знаете?

– Знаю, – усмехнулась Тарханова. – Анжелку зависть глодала – у Ксанки заказов больше было, деньги в основном она в бюро приносила. Но они как-то мирно разошлись, дружили потом, как раньше. Ксанка вообще была очень миролюбивая и без особых амбиций, хотя с таким талантом могла бы развернуться. Что в голове у девки повредилось – ума не приложу. Жалко даже...

Тарханова встала и тяжело выбралась из-за стола, направляясь к небольшому столику с кофемашиной:

– Кофейку хотите, Владимир?

– Да не откажусь, спасибо. А ваша сестра общалась с Оксаной после выпуска?

– Илонка? Нет, она сразу замуж выскочила и уехала в Питер, в Москву не приезжает почти, – Тарханова поставила перед Куциным чашку с дымящимся черным кофе. – А вот Лика ко мне иногда заскакивает, я ей клиентов подкидываю по случаю. Она же домами загородными занимается, работы сейчас не так много. Когда Ксанка пропала, Лика тоже приезжала, плакала очень. И знаете, Владимир, о чем я думаю? – Тарханова оперлась спиной о подоконник, держа в руке чашку, и проговорила негромко: – Мне кажется, Ксану в какую-то секту затянули. Не может нормальная успешная девка так головой на ровном месте поехать.

– А почему вы думаете, что это секта? Может, она влюбилась и с мужчиной куда-то уехала?

Лицо Тархановой скривилось в пренебрежительной гри-

массе:

– Что?! Да кем же должен быть мужчина, чтобы ради него все бросить?

«Не замужем, – констатировал Вовчик. – Ставит работу на первое место, карьере – а не семью, потому и мысли не допускает, что Оксана могла выбрать мужчину, а не успех».

– Всякое случается...

– Молодой человек, только отпетая дура может ради мужика отказаться от всего, что сама построила. Нет, это точно какая-то секта. А что? Деньги у Ксанки были, плюс квартиру продала. И потом... она с этими бутылками носилась в последние пару месяцев перед исчезновением, как дурак с игрушкой. Все время в сумке таскала флакон-другой.

– Продавала?

– Лика говорит, что вроде иногда продавала. И несла какую-то чушь при этом – что-то про кровь земли.

– Понятно... – Вовчик допил крепкий кофе, почувствовав, как заколотилось сердце. – Спасибо вам за помощь, Рита. Вы могли бы мне позвонить, если вдруг что-то еще вспомните или – ну, в порядке бреда – Оксана как-то проявится? Вы, я так понимаю, хорошо с ней общались?

– Да. Я ей, правда, в матери гожусь, но с ней очень было легко общаться, она слушать умела, а это сейчас редко. Все так и стараются на тебя свое дерьмо вылить, а Ксанка наоборот... Жалко, если с ней что-то серьезное случилось, – и в ее голосе Вовчик уловил искренние нотки.

– Будем надеяться, что она жива, и мы ее непременно найдем, – пообещал он, вставая. – Вот моя визитка.

Маргарита небрежным жестом кинула карточку в большую плоскую тарелку на углу стола, и Вовчик увидел, что та полна таких визиток.

Попрощавшись, он вышел из кабинета и едва отдышался – крепкий кофе и сигаретный дым словно заполнили его от пяток до макушки, и теперь очень хотелось поскорее на воздух.

Тина припарковала машину так, чтобы видеть крыльцо банка «Восход» и иметь возможность сразу выйти и оказаться рядом, едва узнает Летинского.

Часы показывали без пяти шесть, из дверей уже потянулись сотрудники, а охранник, куривший на крыльце, строго следил за тем, чтобы запоздавшие посетители не могли попасть внутрь.

Летинского видно не было. Тина внимательно следила за выходящими, вполуха слушая несущуюся из динамика в машине незатейливую мелодию популярной песенки.

«Сейчас бы на море, – думала она, не сводя взгляда с крыльца банка. – Лежать на пляже, пить сок, а вечерами бродить с Вовкой по набережной, наслаждаться воздухом и смотреть на звезды, а не вот это все... Еще и жара эта жуткая...».

Тина дотянулась до бардачка, вынула пачку влажных сал-

феток и вытерла шею и грудь в вырезе футболки. Льяные брюки сделались тяжелыми, в них оказалось нестерпимо жарко, и она очень жалела, что утром предпочла их легкой юбке, хотя водить машину в ней было не так удобно.

Переведя снова взгляд на крыльцо, она вдруг напряглась – «сделала стойку», как называл это Добрыня, – по ступенькам легко сбегал высокий видный мужчина в темно-синих брюках и белой рубашке с короткими рукавами. В руках он держал пиджак и портфель, из которого на ходу пытался выудить ключи.

«Пора!» – Тина решительно вышла из машины и быстро зашагала наперерез мужчине.

– Артур Игоревич, подождите, пожалуйста!

Мужчина чуть замедлил шаг и с удивлением оглядел приближающуюся миниатюрную брюнетку в светлых брюках и голубой футболке.

– Вы мне?

– Если вы Артур Игоревич Летинский, то вам.

– Да, я Артур Летинский. Мы знакомы?

– Нет, но можем это исправить. Меня зовут Валентина Володина, я частный детектив. Мы могли бы пообщаться несколько минут?

– Частный детектив? – удивленно вздернул брови Летинский. – И кто же, позвольте узнать, вас нанял? Неужели моя взбалмошная супруга никак не уgomонится?

– Мой наниматель – Ирина Петровна Евсеева, знаете та-

кую? – Тина внимательно наблюдала за выражением лица Летинского – он ощутимо испугался, даже вздрогнул непрозвольно, услышав фамилию.

– Ирина Петровна? Что ей еще от меня нужно?

– Так мы можем поговорить? – проигнорировала Володина.

Летинский бросил взгляд на часы:

– Если вы уложите с вопросами в тридцать минут. Мне нужно через час быть в спортивном центре в Сокольниках.

– Здесь недалеко, а я вас не задержу, – пообещала она. – Тут рядом отличное кафе с открытой верандой, посидим там? Очень жарко.

– Конечно, идемте.

На веранде кафе оказалось не так жарко, и Тина с облегчением выдохнула, присаживаясь за столик. Летинский, учтиво отодвинувший для нее стул, расположился напротив, махнул официанту:

– Вам кофе или что-то прохладное?

– Мне лимонад.

– Два лимонада, пожалуйста, – бросил он подскочившему официанту. – Так я вас слушаю, Валентина.

– Артур Игоревич, я предлагаю не тратить время на пляски с бубнами и сразу перейти к делу. Я знаю, что вы состояли в связи с Оксаной Михайловной Евсеевой, поэтому не стану задавать вопросов о том, знали ли вы ее. Меня интере-

суют последние полгода до момента ее исчезновения. Уверена, что вы об этом знаете и тоже не станете задавать мне банальных вопросов.

– Серьезный подход, – без улыбки отозвался Летинский, выдернув салфетку из вазочки и принимаясь разглаживать ее на столе. – Действительно, вы правы – мы с Оксаной были любовниками около двух лет. И я действительно знаю о ее исчезновении. Ее мать звонила мне несколько раз, пыталась выяснить, не причастен ли к этому я, – он криво усмехнулся. – Видимо, считала, что я убил Оксану, чтобы избавиться от нее.

– А вы хотели от нее избавиться?

– Ну что за чушь, нет, конечно! – раздраженно бросил Летинский. – У нас все было хорошо... ну, насколько может быть хорошо у женатого мужчины и молодой свободной девушки, мечтающей выйти замуж.

– Насколько я знаю, Оксана пыталась порвать с вами незадолго до своего исчезновения.

– Да... знаете, начитаются этих псевдопсихологических книжек, походят на курсы разных гуру «Как удачно выйти замуж» и начинают выкомаривать, – вздохнул Летинский, сворачивая из салфетки кораблик с двумя трубами. – Это же дешевый трюк, которым пользуются все эти мошенники, дурящие головы наивным девушкам – мол, исчезни, и он приползет и сделает тебе предложение, потому что поймет, как ты для него ценна.

– Ну с вами же сработало, – заметила Тина, и Летинский опять скривился:

– Я раскусил эти маневры на второй секунде.

– Тогда зачем приехали к ее подруге и просили Оксану вернуться к вам?

– Не хотел терять. Она очень легкий человек была до определенного момента, – тут Тина слегка напряглась, но постаралась не подать виду, ожидая, что еще расскажет Летинский, если из него не тянуть информацию. – Я даже не сразу понял, что с ней произошло – как подменили. Начала, простите за подробности, в постели трюки выкидывать, как в дешевом порно, разговоры какие-то странные, позы томные, сообщения какие-то дикие, с намеками и прямыми пошлостями. Я пытался с ней об этом поговорить, и тогда она не нашла ничего лучше, как спрятаться у Лики.

– Вы ссорились до этого?

– Ну как... что считать ссорами... Знаете, очень сложно выдерживать постоянные претензии и обиды. Я ведь не скрывал от нее, что женат, как не скрывал своих намерений развестись. Я действительно собираюсь подать на развод, просто пока... – он немного замялся. – В общем, мой тесть...

– Ваш тесть – председатель совета директоров банка «Восход», – продолжила Тина. – Я понимаю, такой шаг сразу бы поставил под угрозу вашу карьеру в этом банке, ведь так?

Летинский молчал, разглаживая кораблик на скатерти. Он

как-то сник, даже немного съежился.

– Понимаете. Валентина... я ведь из очень глухой провинции приехал, пробивался как мог, никто не помогал. Учился, работал... Но в этом городе, даже если у тебя есть мозги, ничего не получится без нужных связей. Когда мы с Женей начали встречаться, ее отец был категорически против – ну кому нужен зять без особых перспектив? Но Женя уперлась и поставила отцу условие – либо он берет меня к себе в банк, либо она уходит из дома, – Летинский оставил в покое кораблик и потер переносицу. – Конечно, это звучит унижительно для мужчины, я отлично это понимаю, да и тогда понимал, но... Женю я любил, а такая перспектива могла больше никогда и не нарисоваться. И я старался не делать ошибок, был верным мужем, хорошим отцом... Но мне всегда приходилось оглядываться на тестя – что он думает, как он смотрит. Это как будто тебе всегда указывают на твое место, а оно не на диване, а у порога, на коврик. Накопилось, видимо... С Женей стали ссориться, а потом я встретил Оксану. Мы купили новую квартиру, и мне рекомендовали ее как прекрасного дизайнера. Вот и... Она мне сразу понравилась – скромная, тихая, очень образованная, талантливая. Начали встречаться. Повторяю – я не скрывал, что женат, ни разу не соврал ей и действительно развелся бы, не начни она на меня давить.

– Вот просто так, на ровном месте? Ни с того ни с сего?

– Я и сам удивился. Все было нормально, планировали от-

дых в Карелии... Жена с ребенком предпочитают проводить лето где-нибудь на Капри, а я совершенно не выношу солнца, мне в Москве-то летом тяжело, а уж под постоянным пеклом... И вдруг Оксана заявляет – либо ты решаешь что-то, либо мы расстаемся. Она вообще сделалась какая-то другая, словно произносила не свои слова, вела себя не так, как сама хотела, но словно слушая чьи-то советы. Я вдруг подумал, что из одной кабалы могу попасть в другую...

– Испугались? – Тина обняла пальцами запотевший бокал с лимонадом, который официант почти незаметно поставил перед ней, и почувствовала приятный, освежающий холодок.

– Конечно, – с горечью произнес Летинский. – Я же мечтал избавиться от капкана, а получалось, что тут же суну руку в другой. Какой смысл менять одно на другое?

– Тем более что в первом капкане была хоть и трудная эмоционально, но комфортная и обеспеченная жизнь, а в другом – непонятно еще, как бы все сложилось, – кивнула Тина, испытывая неприятное чувство – она не любила приспособленцев.

– Зря вы так, Валентина.

– Да, извините. Так что было потом?

– Мы не виделись с ней около двух месяцев, она перестала звонить, писать, я надеялся, что спустя какое-то время она одумается и все как-то устаканится. Но однажды мне позвонила ее мать, стала кричать, что я причастен к исчезновению ее дочери, меня даже в полицию вызывали... Но я вам чест-

но говорю – понятия не имею, куда Оксана могла уехать или уйти. Я даже о том, что она квартиру продала, узнал от Лики.

Тина слушала Летинского и понимала, что верит ему – он действительно не знал, что произошло с Евсеевой, он, конечно, трус и приспособленец, но не убийца.

– Артур Игоревич, тридцать минут прошли, я узнала все, что хотела, – бросив взгляд на часы, сказала она. – Если вы вспомните что-то еще, пожалуйста, позвоните мне, вот моя визитка, – она вынула из сумки карточку и протянула Летинскому.

Тот спрятал визитку в портфель и кивнул:

– Конечно. Я бы очень хотел, чтобы Оксана была жива, поверьте.

– Я вам верю, Артур Игоревич. Спасибо, что уделите время.

Вернувшись в машину, Тина вынула из сумки блокнот и кратко набросала в нем все, что показалось ей важным в разговоре с Летинским.

Особое внимание ей хотелось уделить изменениям, произошедшим в поведении пропавшей девушки – мысль о каких-то волшебных курсах, упомянутых вскользь Артуром, не давала покоя, и это необходимо было проверить. Для этого придется снова засылать Вовчика к Анжелике Морозовой, но теперь с более конкретными вопросами.

– Господи, как хорошо-то... – простонала Тина, выныри-

вая из прохладной воды бассейна и усаживаясь на бортик.

Кущин продолжал бороздить дорожку, не сбавляя темпа. В этот бассейн они приезжали пару раз в неделю, чтобы сбросить напряжение, а сегодня это было еще и спасение от жары.

Тина выдохалась довольно быстро, она не слишком хорошо плавала, а Вовчик, имевший даже какой-то спортивный разряд, отрабатывал по полной, пока совершенно не выбивался из сил.

Сейчас он подплыл к бортику, на котором сидела Тина, и, облокотившись, чуть подтянулся:

– Устала?

– Я сегодня и так больше своей нормы проплыла.

– Ага! – фыркнул Вовчик. – Аж два раза туда-сюда!

– Ну, во-первых, не два, а три, – обиделась она. – А во-вторых, это ты у нас пловец-разрядник, а я вообще в детстве воды боялась, так что для меня и это подвиг.

– Слушай, героиня, а что ты думаешь дальше по делу Евсеевой?

Тина сняла резиновую шапочку, тряхнула волосами и пробурчала:

– Обязательно найдется кто-то, способный испортить твой кайф, и, что особенно удивляет, что таким человеком всегда оказывается собственный муж. Как жить?

– На всю катушку, – засмеялся Кущин, выбираясь из воды. – Я вот что подумал...

– Вова, ну Во-о-ва! – заканючила Тина. – Ну давай завтра,

а? Ну должны же мы хоть когда-то отдыхать!

– Так, Володина, прекрати! Мы работаем без выходных, забыла? Каждый пустой день отдаляет нас от возможности найти Оксану. Я предлагаю вот что. Завтра я все равно встречаюсь с Морозовой, ты бы мне набросала примерный список вопросов, а я бы между делом их задал – вдруг что узнаю? Может, мы не там ищем вообще? – Вовчик помог ей подняться, и они пошли по гулкому длинному коридору к раздевалкам. – Может, и секта тут ни при чем?

– Может, и ни при чем, хотя что-то мне подсказывает, что как раз уже предварительно кем-то обработанную девушку завлечь в нее гораздо легче. Вот сам подумай – ей уже покорежили психику на каких-то курсах по удачному замужеству...

– Это только твои догадки, – перебил муж, но Тина возразила:

– И что? Давай представим, что так и было и Оксана действительно посещала какие-то семинары на тему, как захомутать перспективного жениха. И у нее ничего не получилось – разве это не удар? Она растеряна, разочарована, уничтожена – и тут появляется некто, протягивающий руку и говорящий: «идем со мной, я понимаю твое горе и могу помочь от него излечиться». Ведь так обычно это и работает, ну ты-то знаешь.

– Так-то оно так, да не во всех случаях. И потом, мы ведь рассуждаем гипотетически, верно? Пока нет подтверждения,

что Оксана действительно куда-то ходила и какую-то информацию получала, а потом пыталась применить на практике, мы не можем ни в чем быть уверены.

– Блин, Вовка! Ну почему ты всегда меня критикуешь?

– Чтобы ты в небеса не улетела в своих логических построениях! – расхохотался он, и его смех раскатился по пустому коридору, усиливаемый эхом. – Короче, Тинка, я твой якорь, поняла? Все, быстро переодеваться, едем домой, а то я сейчас от голода умру прямо тут.

– Я, кстати, заскочила к матери Евсеевой и забрала у нее мобильник Оксаны, хочу в нем покопаться.

– Странно, что она его следователю не отдала, – заметил Вовчик, берясь за ручку мужской раздевалки.

– Она нашла его уже после того как дело закрыли. Возможно, нам это поможет.

Ночь выдалась бессонной. Тина, чтобы не мешать спать мужу, вышла в кухню, зажгла небольшое бра над столом и, забравшись с ногами на табурет в углу, погрузилась в изучение мобильного телефона Оксаны Евсеевой. Она очень надеялась, что девушка не почистила его перед тем как забросить на антресоли в квартире матери и хоть какая-то информация сможет пролить свет на причину ее исчезновения.

Список контактов был довольно коротким – пара салонов красоты, Анжелика Морозова, мамуля – именно так была записана Ирина Петровна, любимый – Артур Летинский, Тина

помнила последние цифры его мобильного, несколько номеров без подписи. Их-то Тина и выписала в блокнот, чтобы с утра проверить и попытаться выяснить, кому принадлежат.

История сообщений, к глубокому огорчению Тины, была вычищена – даже рекламных рассылок не осталось. Приложения для обмена быстрыми сообщениями тоже оказались пусты.

– Ну было бы глупо рассчитывать на такие подарки, – вздохнула Тина, откладывая телефон и глядя в окно, за которым уже рассвело.

В глубине квартиры послышались шаги – проснулся Вовчик и, не обнаружив рядом жену, отправился на поиски.

– Привет, – зевая, он появился в дверях кухни и взялся руками за косяки. – Ты еще или уже?

– Еще. Не спалось что-то, решила в телефоне вот покопаться, – Тина кивнула на лежавший перед ней мобильник. – Предвосхищу твой вопрос – почти пусто. Нашла несколько неопознанных номеров, надо бы пробить, а все остальное – ожидаемо почищено.

– Ну тоже не велика проблема. Поеду с Морозовой встречаться, на обратном пути заскочу к ребятам в скупку, мне Антошка вытащит все, что сможет.

– А так можно?

– Эх ты, темнота, – рассмеялся Добрыня, включая плиту и беря с полки медную джезву и банку с молотым кофе. – Конечно, можно. Есть программы, позволяющие читать уда-

ленную переписку, а уж Антошка в этом большой специалист.

Антон Гуреев, или Антошка, был старым знакомым Добрыни – еще с тех времен, когда Владимир служил опером. Он прихватил малолетнего тогда Антона на краже из ларька – вернее, только на попытке, а потому помог парню, оставшемуся без родителей, не сесть в тюрьму и поступить в техникум. Голова у Антона работала он интересовался техникой и электроникой, научился хорошо разбираться в мобильных телефонах и теперь владел небольшой скупкой старых аппаратов, а попутно оказывал Добрыне услуги по мелочи.

– Было бы отлично, – загорелась Тина. – Тогда номера телефонов я сама пробью, хотела тебя попросить.

– Так попроси.

– Нет, мы ведь договаривались – поровну работу делить, а ты и так целыми днями мотаешься.

– Ну, так-то я мужик и должен делать больше, – рассмеялся муж, снимая с плиты джезву, над горлышком которой уже поднялась шапка ароматной кофейной пены. – Тебе с молоком или со сливками?

– Нет, мне черный, а то усну где-нибудь.

– Так легла бы и подремала пару часов, куда торопиться-то? – предложил Добрыня, разливая кофе по чашкам, но Тина замотала головой:

– Ты что! Некогда спать, надо с номерами разобраться, и потом, если тебе Морозова что-то интересное по поводу

курсов расскажет, ты ведь мне позвонишь?

– Дались тебе эти курсы, Тинка, – вздохнул муж, усаживаясь за стол. – А если не было никаких курсов?

– Да не меняется настолько поведение у женщины без каких-то внешних накачек, неужели ты не понимаешь, Вовка?

Добрыня только рукой махнул и принялся делать бутерброды. Он отлично знал, что жена будет отрабатывать любую версию до конца, даже если эта версия бредовая и неправдоподобная. Надо признать, что подобное упорство иной раз приносило неплохие результаты, потому Кущин приучил себя не спорить особо и не возражать.

Позавтракав, он принял душ – именно в такой последовательности, и никак иначе, поскольку привык с детства, – и начал собираться на встречу с Анжеликой Морозовой.

Добираться до центра предстояло по пробкам, на улице уже было жарко, и Вовчик тяжело вздохнул. Можно было воспользоваться метро, но предстояла еще поездка на Горбушку и мало ли куда еще Тинка потом зайдет, так что вариант с машиной казался неизбежным. Но сперва он решил заехать к Гурееву, чтобы как можно скорее получить хоть какие-то данные из телефона Оксаны.

Антон Добрыня увидел сразу – ну как можно пропустить «шпалу» ростом в два метра, рядом даже он, Вовчик, не казался таким уж высоким. Правда, Добрыня был широк в плечах и вообще производил впечатление человека физически

крепкого, а двухметровый Антон напоминал, скорее, макароны-спагетти – тощий, белокожий, с длинными руками и ногами и узкой впалой грудью.

– Привет, Антоха! – пробасил Добрыня, подняв вверх руку, и Антон, говоривший с кем-то, повернулся:

– Владимир Анатольевич! Сто лет, сто зим!

– Мы можем пошептаться пару минут?

– Конечно, – кивнул Антон, сунув руки в карманы джинсовых шорт. – Давайте ко мне в магазин пойдем, там тихо и кондиционер работает.

В маленьком помещении действительно было довольно прохладно, и Вовчик с облегчением вдохнул и резко выдохнул – это помогало сосредоточиться. Антон запер дверь и отошел к окну, выжидающе глядя на Добрыню.

– Значит, такие дела, Антоха, – вынимая из сумки телефон Оксаны, сказал тот, – мне бы попытаться восстановить из этого аппарата все, что только возможно – сделаешь?

Антон протянул руку и взял телефон, повертел в длинных гибких пальцах:

– Ну, попробую, конечно. А как скоро нужно?

– Да примерно год назад, – вздохнул Вовчик.

– Серьезно... ладно, я попытаюсь быстрее, сейчас все равно особой работы нет.

– Тогда звякни мне, как закончишь. Номер помнишь?

– Обижаете!

– Ну и отлично, я поехал. Жду звонка.

Антон кивнул и шагнул к двери, повернул ключ:
– Я постараюсь, Владимир Анатольевич.

С большой неохотой Добрыня покинул прохладный магазинчик, снова оказавшись под палящим солнцем на улице. Вскинув руку, он посмотрел на часы – до встречи с Морозовой оставалось чуть больше получаса: нужно поторопиться.

Припаркованную машину Анжелики он увидел сразу – она ярким пятном выделялась на фоне серого здания, рядом с которым стояла.

Вовчик ловко юркнул на освободившееся прямо перед ним парковочное место и вышел, направляясь к машине Анжелики. В салоне никого не было, на заднем сиденье лежала сумка с ноутбуком, и Вовчик удивился такой беспечности владелицы – очень рискованно оставлять такие вещи на виду, можно лишиться и ноутбука, и стекла в задней двери.

Он прошелся туда-сюда по улице, стараясь не терять из виду машину, и вдруг заметил, как неподалеку трется странного вида паренек в серой толстовке и накинутом, несмотря на жару, капюшоне. Парень то приближался к машине Морозовой, то отходил в небольшую арку чуть левее, словно рассчитывал, с какой скоростью сможет преодолеть это расстояние.

Вовчик «сделал стойку» – оперское прошлое мгновенно нарисовало картинку того, что произойдет дальше.

«Наверняка наркоман, потому и в кофте, хоть и дышать

нечем. У них же терморегуляция нарушается, они все время мерзнут. Ну и руки в «дорогах» лишний раз демонстрировать тоже не хочет».

Добрыня постарался встать так, чтобы успеть заблокировать парню дорогу в арку – а больше бежать тут ему было некуда, если только под машину кинуться, движение плотное.

Из подъезда здания показалась Лица Морозова – сегодня в белом костюме, широкие брючины которого небрежно подметали тротуар, что, похоже, совершенно не беспокоило хозяйку.

«Как она машину-то водит – в таких клешах?» – подумал Вовчик, пристально наблюдая за тем, как Анжелика подходит к машине и открывает дверцу водительского сиденья.

Парень из арки между тем юркнул прямо на проезжую часть к заднему колесу и, как отлично знал Вовчик, сунул под крыло пластиковую бутылку. Очень старый трюк, которым пользовались авторы с незапамятных времен, однако, к величайшему удивлению Добрыни, на него попадались до сих пор – особенно барышни вроде Лицы.

«Сейчас она сядет, тронется с места и поймет, что с колесом что-то не то, – мысленно прокручивал ситуацию вперед покадрово Добрыня, одновременно готовясь к молниеносному броску в сторону арки. – Она выйдет, начнет под крыло заглядывать, а парнишка тем временем дверцу откроет и приделает ноутбуку ноги, в арочку и уйдет. Ну ушел бы теоретически, если бы меня тут не было».

Все случилось именно так, как расписал это в своей голове Кушин, с той лишь разницей, что ему пришлось сбить парня с ног и уложить лицом в асфальт:

– Куда спешишь, компьютерщик?

– Пусти! – дергался парень, прижатый коленом Кушина. – Пусти, гад, я ничего не сделал!

– Ага. А ноутбук из машины на тебя сам выпрыгнул – возьми, говорит, меня, добрый человек, а то запарился я в тачке лежать.

Лица от происходившего впала в ступор, так и стояла, открыв рот и держа в руке вынутую из-под крыла бутылку.

– Ну что вы замерли, Анжелика? Вызывайте полицию, будем юношу упаковывать, – распорядился Вовчик, и Морозова ожила словно в детской игре «Море волнуется», превратившись из морской фигуры в живого человека, полезла за мобильным.

– Дяденька, не надо! – взмолился парень. – Меня же закроют!

– Тебе же польза – с иглы соскочишь.

– Да я не нарик...

– Ну конечно. А следы на руках – это от капельниц, ты тут на днях из больнички вышел, – кивнул Вовчик. – Знаешь, сколько раз я слышал эти песни в разном исполнении? Нет, дружбан, не выйдет ничего. Я тебя прямо на горячем взял, за руку – и вон та камера наблюдения запросто подтвердит все, что я сейчас полицейским скажу, – он ткнул пальцем в

сторону укрепленной на столбе камеры. – Ты бы, дурашка, сначала хоть убедился, что тебя не пишат, а то встал тут, как народный артист, прямо в объектив. Ну, считай, свой бенефис ты уже получил, – к ним приближалась полицейская машина.

– Слава богу, что у меня отменилась следующая встреча, – пробормотала Лика. – Это же сейчас надолго затянется?

– Анжелика, давайте проявим сознательность и оградим остальных граждан от подобных казусов, – призвал Вовчик, поднимая парня за шиворот с асфальта. – Заодно успеем и о наших делах пообщаться.

– Ах да! – спохватилась она. – Я же вам привезла этот флакон вонючий – в буквальном смысле, кстати. Пришлось в три пакета замотать, и все равно запах кошмарный... – Лика сморщила носик. – В багажнике лежит.

– Прекрасно, – кивнул Кущин. – Тогда сейчас мы с юношей закончим и выпьем где-нибудь кофе, хорошо? У меня появились еще вопросы по поводу Оксаны.

В ОВД на Большой Полянке они провели около двух часов – пока у Лики приняли заявление, пока сотрудник опросил Вовчика и саму Лику...

Оказавшись на улице, Морозова вздохнула:

– Весь день насмарку...

– Согласитесь, хуже было бы лишиться ноутбука, – заметил Кущин.

– Да вообще, не дай бог... Там же все – и проекты, и контакты... ужас!

– Ну, значит, этот день нельзя считать потраченным зря. Так что, Лика, – в кафе? И бутылочку мне сразу отдайте, а то забудем потом.

Анжелика открыла багажник и пальцем указала на сверток в полиэтиленовом пакете:

– Вот. Только возьмите сами, я не могу этот запах выносить.

Вовчик вынул сверток и поморщился – действительно, пахло резко, но не так, чтобы совсем уж отвратительно. Хотя, наверное, если вдыхать подольше...

Он убрал сверток к себе в багажник, закрыл машину и огляделся:

– И куда мы тут можем пойти?

– Есть ресторан не очень далеко, можем там посидеть.

«Ну конечно – в сетевую кофейню ты не пойдешь, даже предлагать смешно», – подумал Вовчик с сарказмом.

Они оказались в ресторане, чей владелец предпочел не заморачиваться с названием, а просто поставить на вывеску собственную фамилию, добавив в конце модную «ять», считая, видимо, что это придаст простоватой фамилии аристократизма или хотя бы купеческого оттенка. Однако внутри было уютно, со вкусом и очень быстро обслуживали, что в обеденное время казалось удивительным.

– Так о чем вы хотели меня спросить, Владимир? – поме-

шивая ложечкой в чашке, поинтересовалась Лика.

– Да вот я тут подумал... вы сказали, что Оксана пыталась надавить на Артура, скрывшись у вас на неделю. А раньше она так делала? Ну, в смысле – пряталась у вас?

– Нет. Я и в тот раз удивилась – звонит, плачет, спрашивает: «Можно, я у тебя недельку поживу?» Я решила даже, что произошла какая-то неприятность. Но вы знаете... всю эту неделю Оксана себя вела так, словно ничего не случилось. Разве что на телефонные звонки не отвечала – но и не сбрасывала, просто убирала звук. И все время с кем-то переписывалась, вот просто круглосуточно. Я удивилась – у нее не было таких друзей, чтобы вести с ними переписку, не выпуская из рук телефон. Она даже мне крайне редко писала, предпочитала звонить, если что-то нужно или просто хотелось поболтать. А тут... ну, просто роман в эсэмэсках, – усмехнулась Лика.

– И вы не спрашивали, с кем она переписывается?

Морозова пожала плечами:

– Ну, во-первых, это не мое дело. А во-вторых... понимаете, я не хотела выглядеть так, словно ревную Оксану к общению с кем-то еще... Знаете, у подруг иногда бывает такая ревность – когда у кого-то есть еще другие связи. Но мы как-то всегда без этого обходились, вот и в тот раз я не хотела, чтобы выглядело иначе.

– Но это точно был не Артур?

– Абсолютно, – твердо заявила Лика. – У меня сложилось

впечатление, что она словно перед кем-то отчитывается и получает какие-то инструкции. Лицо у нее такое было... странное, не знаю... Она пришедшие сообщения открывала с какой-то надеждой, как будто ждала волшебную таблетку. И вот еще что... – Лица наморщила лоб. – Как-то у нее из кармана пиджака выпала визитка. Оксана не заметила, а я машинально подобрала и в ящик обуви сунула. Потом, когда она уже у меня не жила, я уборку затеяла – не доверяю чистить ящики домработнице, ну и наткнулась. Там какой-то бред был написан – что-то типа «Лолита Конде, брачный тренер». Да, точно – Конде, я еще удивилась – для настоящего имени как-то заумно, а для псевдонима глуповато, созвучно авторше книги об уборке.

– А визитку вы, конечно, выбросили? – не особенно надеясь на отрицательный ответ, спросил Вовчик, и Лица подтвердила:

– Конечно! Зачем мне хранить какую-то визитку непонятного брачного тренера? Что это вообще такое – тренер по браку?

– Видимо, рассказывает, как удачно выйти замуж.

Лица фыркнула:

– Бред! Вообще никогда в такое не верила, это же чушь.

– Видимо, ваша подруга не разделяла это мнение.

– Ну теперь у нее не спросишь... Но, если честно, я не думаю, что Оксана могла на такое повестись, она очень разумная была, в сказки не верила... Во всяком случае, до того

как с Артурчиком начала встречаться – вот тот ей, конечно, рассказывал...

– Лика, у меня сложилось впечатление, что вы крайне негативно настроены по отношению к господину Летинскому, – заметил Добрыня, и Морозова ощетибилась:

– А как иначе? Это ведь из-за него Оксана пропала, я в этом уверена. Если бы не Артурчик, у нее бы крыша не поехала! Ради кого, думаете, все эти брачные тренеры? Она ведь ему поверила, ждала, что он вот-вот разведется – а он... – Лика сморщила брезгливую гримасу. – Он оказался таким же треплом, как все мужики.

– Ну я бы всех-то под одну гребенку все-таки не ровнял, – немного обиделся Владимир, и Лика улыбнулась:

– А вы, я так понимаю, женаты?

– Я женат и жену свою люблю. И другие женщины как объект флирта меня совершенно не интересуют.

– Ну, значит, вы исключение – они всегда бывают. И жене вашей повезло. А Оксанке попался типичный представитель семейства козлообразных. Если честно, я с первого дня их знакомства знала, что Артурчик никогда не разведется и на Оксане не женится. Но вы ведь понимаете – влюбленной женщине не донесешь, у нее вместо мозга бабочки... Но со временем и она поняла, что все его слова – просто вранье, и вот тут и началось. А закончилось вообще, не дай бог... – Лика вдруг опустила голову и всхлипнула, и Добрыня растерялся.

Анжелика не показалась ему склонной к таким эмоциям, и сейчас он просто не знал, как себя вести.

– Послушайте, Лика... ну, еще не все потеряно... вдруг Оксана еще найдется? Мы же работаем...

– Мне ее очень не хватает, – всхлипнула Лика, закрыв лицо руками. – Я теперь так жалею, что... ну, в общем...

«Понятно – жалеешь, что из зависти решила совместный бизнес не вести, – вспомнив слова риэлтора Риты, подумал Вовчик. – Но, похоже, на все остальные сферы отношений эта зависть не распространялась, и потерю подруги ты не можешь пережить даже спустя год. Ну это даже хорошо, значит, ты, в принципе, неплохая девка, Лика Морозова».

– Лика, я вам лично обещаю, что приложу все силы и постараюсь разыскать вашу подругу, – сказал Вовчик со всей мягкостью, на которую был способен. – Мне кажется, что она жива и находится где-то в секте, а там, в принципе, можно жить. Знаете, я много людей из таких сект вытащил... да, конечно, потом требуется долгая реабилитация, но когда человека кто-то искал и ждал, ему легче вновь адаптироваться к жизни, понимаете?

– Да я готова во всем помогать, лишь бы она нашлась, – прорыдала сквозь ладони Лика, и Вовчик снова подумал о ней с каким-то добрым чувством – не такой уж расчетливой стервой оказалась на самом деле расфуфыренная дизайнер на дорогой машине: сидит в ресторане и ревет, не заботясь о погибшем макияже.

Пока Добрыня пил кофе в компании Лики Морозовой, Тина снова погрузилась в изучение проповедей Евдокии.

Чтение это давалось ей с большим трудом – околонаучный бред в сочетании с какими-то мистическими предсказаниями и отсылками к космосу воспринимался тяжело.

«Никогда не понимала, почему на это попадают хорошо образованные люди, с учеными степенями даже, – сжав пальцами переносицу и зажмурив глаза, думала Тина, оторвавшись на пару минут от монитора. – Ну неужели всерьез можно воспринимать подобное? Грязнова-Прозревшая хотя бы про экологию говорила, язык был доступный, хоть и слегка высокопарный, а это – ну вообще же несвязная чушь. Давайте утыкаем всю планету пихтами и вознесем в космос! Нет, мне никогда до конца не понять психологию людей, которые в это верят».

Телефон звякнул, пришло сообщение в мессенджер. Тина открыла – это оказались фотографии флакона из темно-зеленого прозрачного стекла прямоугольной формы, с матовыми вкраплениями более темного оттенка, объемом миллилитров пятьдесят. Пробка была стеклянной, выполненной в виде шишки, но горлышко находилось не сверху, а в самом углу длинной стороны прямоугольника.

Фотографии сопровождалась сообщением от Вовчика: «Надо попробовать поискать по фотографиям, на флаконе нет никаких этикеток или клейм».

Тина сбросила фотографии в ноутбук и зашла в поисковик. Результатом этих действий стала целая фотогалерея, но ценной информации так и не появилось – никаких координат фабрики, выпускающей подобные флаконы, Тина не нашла.

– Может, они их вообще в Китае закупают – а что? На одном большом маркетплейсе полно всяких интересных бутылочек, баночек и прочей тары, – пробормотала Тина, раздосадованная неудачей. – Но мне-то что с этим делать? Придется поискать ближайшую по времени и месту проповедь этого батюшки Ивана и наведаться туда, пока других возможностей не вижу.

Она снова вошла в интернет и занялась поиском «гастрольного графика», как называла про себя подобное мысленно. К ее сожалению, в столицу батюшка Иван наведываться в ближайшее время не собирался, но вот в Санкт-Петербурге намечалась проповедь в одном из Дворцов культуры. И это Тину порадовало – в Питер можно мотануть и на машине, а, если будет лень сидеть за рулем, «Сапсаном», с комфортом.

Сверившись еще раз с датами, она сделала отметку в ежедневнике – покупать билет без согласования с мужем все-таки не решилась, справедливо полагая, что должна обсудить поездку с Добрыней.

Тому не всегда нравились слишком самостоятельные решения, принимаемые Тиной, и в душе она была с этим даже

согласна, помня, как укатила в «Согласие» и влипла там в историю, из которой Вовчик еле-еле ее выцарапал.

– От пары часов ничего не изменится, – Тина потянулась и, закрыв ноутбук, отправилась варить очередную порцию кофе.

Вовчик крутил в руках тяжелый зеленый флакон и хмурился. Оказалось, что он не приблизил их к разгадке ни на метр, а даже усложнил задачу – теперь придется с большим риском посещать проповеди сектанта, и неизвестно, что их там вообще ждет.

В прошлый раз, например, это оказался трижды судимый уголовник, которого на последний срок отправила Тина, и он-то ее и узнал. Больше подобных непредвиденных ситуаций Кущин не хотел, потому был страшно раздосадован тем, что все усилия по получению флакона прошли даром – какие-то координаты завода здорово облегчили бы им задачу и не вынуждали сталкиваться с сектантами раньше времени.

– Ну что ты эту бутылку изучаешь, понятно ведь, что ничего на ней нет, – Тину очень мучил запах, исходивший от флакона. – Вынеси ее на балкон, пожалуйста, и руки вымой как следует, у меня голова разболелась. Как они это еще и пьют, причем добровольно?

– Кстати, ты зря так скептически настроена, пихтовое масло – штука полезная, хотя, согласен, пахнет специфически, – заметил Добрыня, но флакон унес и руки тоже долго и тщательно тер щеткой с мылом. – Я вот что думаю, – сказал он,

вернувшись в кухню, где Тина с рассеянным лицом жарила картошку, и усаживаясь за стол. – Может, все-таки на эту проповедь лучше поеду я?

– Что? – переспросила жена, отвлекаясь от своего занятия. – Нет, Вов, не обижайся, но женщине всегда больше доверия. Если я захочу кого-то о чем-то расспросить, то это не будет выглядеть таким уж подозрительным. И потом женскую легенду легче выдумать. Ну, в том смысле, что не нужно слишком напрягаться – у женщин всегда больше поводов обратиться за помощью к таким шарлатанам, сам ведь понимаешь. Этим и пользуются все эти сектанты – женщина более внушаема, более поддается разным психическим воздействиям, быстрее принимает на веру какие-то догмы. Плюс если у нее какая-то проблема, то она охотнее поделится ею с тем, кто готов выслушать. Так что это будет моя часть работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.